

определенных дескрипций⁷ находит объяснение в функциональной двойственности субъекта.

При идентифицирующем (референтном) прочтении определенной дескрипции ее смысл обычно не связан со смыслом предиката, ср. — *Кто дал тебе эту записку? — Мне ее дала вон та блондинка в лиловом.* При характеризующем (атрибутивном) прочтении такая связь может быть установлена, ср. *Вор получил по рукам.*

Предложение Автор *«Гамлета» не написал «Гамлета»* может быть интерпретировано двояко. Если сочетание автор *«Гамлета»* — перифраза (субститут) имени *Шекспир* и ему функционально эквивалентно, т. е. семантически не связано с предикатом, то предложение не противоречиво, поскольку идентифицирующий признак может и не быть истинным (см. выше). Важно лишь, чтобы адресат знал, кого именует данная дескрипция. Номинативные отношения условны и могут осуществляться «через голову» смысла. Если же определенная дескрипция ориентирована на предикат, то приведенное предложение содержит противоречие, которое может быть снято цитатным характером перифразы⁸. Определенная дескрипция, заимствованная говорящим из чужой речи, легко вступает с предикатом в диалогические отношения, создавая внутри предложения столкновение противоположных точек зрения, ср. у Достоевского: *Очевидно, что этот «друг России» не может быть большим ее другом.*

Различение деногирующего и характеризующего употребления субъектных дескрипций, столь принципиальное для логической интерпретации предложения, практически снимается, когда речь идет о неидентифицированном референте и дескрипция основывается на сведениях о событии, участником или агентом которого он является. В этом случае одна и та же информация служит одновременно и целям указания на референта и основанием для вынесения о нем данного суждения, ср. *Грабитель был опытен и ловок; Убийца Смита — сумасшедший* (пример Доннеллана).

Итак индивидуализирующая дескрипция может принимать смысловой груз разного назначения.

7

Функциональный дуализм субъекта конкретного суждения оборачивается семантическим дуализмом соответствующей этой позиции лексики. Значение имен нарицательных конкретных предметов и прежде всего естественных реалий вызывает в сознании и памяти говорящих, с одной стороны, обобщенный образно-чувственный «отпечаток», а с другой — абстрактную информацию о соответствующем классе реалий. Данные первого типа эффективны для целей референции имени. Они не зависят от уровня теоретического знания. С этим соглашались и представители школы *Wörter und Sachen*. Так, Г. Шухардт, настаивавший на упрочении связи между наукой о словах и науками о вещах и писавший, что «союз и в выражении „вещи и слова“ должен превратиться из символа сложения в символ умножения»⁹, в то же время признавал, что «даже полный переворот в нашем познании какой-нибудь вещи не ведет к изменению ее обозначения; так, например, на наш язык, как и на наше непосредственное повседневное восприятие, нисколько не повлиял тот факт, что мы не смотрим больше на солнце как на диск, а рассматриваем его как шар»¹⁰. Это положение Шухардта, впрочем, справедливо лишь отчасти. Второй — энциклопедический — компонент значения конкретных имен, необходимый для адекватного понимания суждения, меняется в зависимости от

⁷ *Donnellan K.* Reference and definite descriptions.

⁸ *Wierzbicka A.* Descriptions or quotations. — In: *Sign, language, culture*, t. I. The Hague — Paris, 1970.

⁹ *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, с. 200.

¹⁰ Там же, с. 205.